

УДК 811.161.1'255

БЕЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

Сидоренко В.А., Гончаренко А.В.

У статті розглянуто особливості вживання й перекладу безеквівалентної лексики у творах художньої літератури.

Ключові слова: безеквівалентна лексика, лакуна, реалія, лексико-семантична група, транслітерація, калькування.

В статье речь идет об особенностях употребления и перевода безэквивалентной лексики в произведениях художественной литературы.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, лакуна, реалія, лексико-семантическая группа, транслитерация, калькирование.

The article is dedicated to the peculiarities of the usage and interpretation of untranslatable lexics in fiction literature.

Keywords: untranslatable lexics, lacuna, reality, lexical semantical group, transliteration, tracing.

Постановка наукової проблеми. Межъязыковая речевая діяльність, которую принято називати перекладом (или перекладською діяльністю), продовжує залишатися однією з актуальних проблем в сучасній лінгвістиці.

Попитки теоретично осмислити і об'яснити діяльність перекладачів, сформулювати критерії оцінки якості перекладів, визначити фактори, що впливають на хід і результати процесу перекладу, предпринимались неодноразово на протязі всієї його багатовікової історії.

В своє час відомий лінгвіст А.А.Реформатський дав отрицательний відповідь на запитання про можливість створення "науки про переклад", аргументуючи це тим, що, оскільки практика перекладу користується даними різних галузей науки і мови, вона не може мати власної теорії [14, с. 119].

Однак розширення спектра лінгвістических досліджень, розвиток теорії комунікації, забезпечивши наукову базу для вивчення перекладу, усвідомлена громадська потреба в осмисленні перекладської діяльності і, нарешті, поява серйозних робіт по перекладознавству переконливо довели можливість і перспективність створення наукового напрямку, що дозволяє виявити сутність перекладу як процесу міжмовної і міжкультурної комунікації.

Як відомо, процес перекладу потребує граничної точності і уваги як до вихідного, так і до перекладного мови. Це стосується не тільки

неродствених мов, але і тих, які мають спільні корені, в частині, російської і української. Родство цих мов, їх близькість стають причиною появи в перекладах на українську мову так званих русизмів, які можна спостерігати в інструкціях, рекламі, в титрах к фільмам, в мові політиків, журналістів, дикторів, в повсякденному побутовому спілкуванні.

Іноді можна прочесть на вивісках замість "Рибальський хутір" і "художня майстерня" "Рибацький хутір" і "художня майстерська", в рекламі чути "туалетний утьон", "блискучий волос", а лексеми "сосулька", "угроза" часто зберігають без змін, замість того, щоб перекласти відповідно "бурулька" і "загроза".

При перекладі з української мови на російську виникають такі складності: українське "неділя" сприймається носіями російської мови як "неделя" (але не "воскресенье"), "весілля" як "веселье" (але не "свадьба"), "доля" як "часть" (але не "судьба"), а лексема "шар" для російської людини не слів чого-небудь, а просто круглий предмет.

Мета нашої роботи – виявити особливості українсько-російського перекладу безеквівалентної лексики в художньому тексті.

Изложение основного материала. Изучению безэквивалентной лексики (БЭЛ) уделяется особое внимание в работах лингвистов второй половины XX века. Этот термин используется многими исследователями, которые занимаются проблемами языка и перевода (Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, Л.С.Бархударов, С.Влахов, С.Флорин, Я.И.Рецкер,

В.Н.Комиссаров, А.Д.Швейцер и др.), однако, трактуется он неоднозначно.

Например, В.М.Солнцев и Л.С.Бархударов понимают под БЭЛ “лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка. Сюда относятся, в основном, имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка” [1, с. 94].

А.Д.Швейцер относит к категории БЭЛ “лексические единицы, служащие для обозначения культурных реалий, не имеющих точных соответствий в другой культуре” [24, с. 108].

Дефиниция, предложенная болгарскими учеными С.Влаховым и С.Флориным, определяет БЭЛ как “лексические единицы, которые не имеют переводческих эквивалентов в языке перевода” [2, с. 51].

В.Н.Комиссаров называет безэквивалентными “единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода” и служат для “обозначения специфических для данной культуры явлений, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, т.е. знаний, имеющихся в сознании говорящих” [6, с. 147].

Понятие “безэквивалентная лексика”, по мнению некоторых ученых, включает также понятия “лакуны” и “реалии”.

Термин “лакуна” был введен в отечественную лингвистику Ю.С.Степановым, который назвал их “пробелами”, “белыми пятнами на семантической карте языка” [20, с. 120]. И.А.Стернин под лакуной подразумевал отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом. В своей работе “Лакуны и концепты” он подчеркивает, что “главной особенностью лакун является то, что они возникают в процессе общения, в ситуации контакта двух культур” [21, с. 176].

По мнению С.Влахова и С.Флорина, понятие БЭЛ включает также то, что определяется как реалии, т.е. “явления, характерные для материальной и духовной жизни только данного народа и отсутствующие у других” [2, с. 51–52].

Возникновение лексической безэквивалентности может быть обусловлено разными причинами. Лексическая единица исходного языка (ИЯ) может обозначать явление, хорошо известное его носителям и закрепившееся в лексической системе этого языка, однако неизвестное (или почти неизвестное) носителям переводного языка (ПЯ) и поэтому не отраженное в его лексической системе. Обычно это то, что подразумевается под “реалией”.

На определенном этапе безэквивалентными могут быть те или иные термины, которые, по мере распространения информации о научно-технических достижениях, приобретают эквиваленты или кальки в других языках.

Вторая причина появления лексической безэквивалентности обусловлена особенностями мировосприятия того или иного народа, его культурными и национальными традициями. Это проявляется, в частности, в том, что в лексической

системе ПЯ не всегда зафиксировано то, что является “естественным” для ИЯ.

Наличие безэквивалентных единиц характерно для разных лексико-семантических групп, в том числе и для наименований одежды. Анализ этих лексем позволяет выявить национальные реалии, характерные для русского и украинского народов, а также особенности перевода такой лексики.

Исследованию лексико-семантической группы “одежда” посвящены работы Д.К.Зеленина, А.В.Терещенко, В.К.Соколовой, Г.А.Носовой, М.М.Громыко и др., однако перевод этой лексики не был предметом рассмотрения в них.

В произведениях как русской, так и украинской литературы довольно часто встречаются слова, обозначающие одежду, при переводе которых используются разные способы. Один из них – **транслитерация или транскрипция**. Как отмечает Л.С.Бархударов, при транслитерации передается средствами ПЯ графическая форма (буквенный состав) слова ИЯ, а при транскрипции – его звуковая форма. Этот способ эффективен в тех случаях, когда денотат БЭЛ хорошо известен иностранному читателю. Рассмотрим это на конкретных примерах из произведений И.Нечуя-Левицкого и М.Стельмаха. “Він причепив до свого **бриля** червоний з вологістю кетяг калини й нитку бабиного літа, заглянув до нашої школи, завзято вдарив у дзвін та й пішов поміж садами в степи крутити крила вітряків” [16, с. 77] – “Он прицепил к своему **брылю** красную гроздь калины...” [17, с. 50]. “**Бриль** – соломенная шляпа, сшитая изъ гладкой, не зубчатой соломенной тесьмы” [15, с. 99].

“Подруга-сусіда наділа Мотрі на голову **кибалку**, вирізану з товстого паперу, схожу на вінок” [10, с. 59] – “Подружка, соседка, надела ей на голову **кибалку**, вырезанную из толстой бумаги, похожую на венок” [13, с. 237]. “**Кибалка** – старовинний жіночий головний убір у вигляді високого завою півмісяцем з довгими кінцями, спущеними на плечі й спину” [15, с. 124].

“На Джерисі була спідниця з темної пістрі та сорочка з товстого полотна; в неї голова була заверчена **наміткою**. **Намітка** світилась, і через неї було видно високий **очіпок** з червоними лапатими квітками на жовтогарячому полі” [11, с. 123] – “На Джерихе была юбка из рябенького ситца и сорочка грубого холста; голова ее была обернута **намиткой**. **Намитка** просвечивала, и сквозь нее был виден высокий **очипок** в крупных красных цветах по ярко-желтому полю” [12, с. 120]. “**Намітка** – женській головній уборь: покрывало изъ простой самодѣльной кисеи, которымъ повязываются замужня женщины поверхъ очіпка” [15, с. 503]. “**Очіпок** – головной уборь замужней женщины – вродѣ чепчика” [15, с. 82].

“Він усе хотів вирватись у будь-яке, аби тільки начальство і, де міг, спідтишка кусав і оббріхував отих керівників у **свитах** і шинелях, що, ледве вмючи розписатися, у революцію розписувалися за нову владу своєю кров'ю” [18, с. 61] – “... исподтишка кусал и оговаривал тех руководителей в **свитах** и шинелях...” [19, с. 34]. “**Свита** – 1) крестьянская верхняя одежда изъ домашняго толстаго сукна, полукафтаные, родъ сермяги;

2) мужской полушубок нагольный бараний, без лацканов, гладкий, с стоячим смушковым воротником» [15, с. 107].

Еще один способ – **описательный, или разьяснительный, перевод**. Его преимущества в том, что исключается недопонимание, однако при этом может быть “испорчен” художественный эффект, утрачен национальный колорит. Например: “Я підбігаю до нього, примірюся з усіх боків, милуюся, далі бережно зрізаю і кладу на *бриль*, бо в *бриль* його шапка не влезить” [16, с. 78] – “Подбегаю к нему, примеряюсь со всех сторон, люблюсь, потом бережно срезаю и кладу на *соломенную шляпу* сверху, потому что в неё отаманова шапка не влезит” [17, с. 51]. “Принесла и поставила на лаві червоні *сап’янці*” [18, с. 117] – “Принесла и поставила на лавке красные *сафьянные сапожки*” [19, с. 237].

Приблизительный перевод передает предметное содержание безэквивалентной единицы, но при этом практически всегда теряется коннотация. Возможно несколько вариантов приблизительного перевода, один из них – **по принципу родо-видовой замены**, то есть безэквивалентное слово (БЭС) передается такой лексемой, денотат которой шире денотата БЭС. Например: “Я, наче саме щастя, хапаю чоботи, нашвидкуруч навстоячки намотую онучі і через хвилину стаю козаком-завзятцем, дарма що мамині *чорнобривці* завеликі, дарма що в них пришви чорні, а халяви жовті” [16, с. 44]. – “Я, как само счастье, хватаю сапоги, стоя, кое-как навёртываю портянки и через минуту становлюсь завзятым козаком, неважно, что мамини *сапоги* великоваты, не важно, что они и не черные и не желтые” [17, с. 27]. “**Чорнобривець** – сапогъ съ краснымъ голенищемъ и черной головкой” [15, с. 471].

“І кожухи нижче п’ят, щоб за собою промітали сніг, і коротенькі, обшиті смухом кожухи для дівчат і парубоцтва, і свитки, і киреї, і чоботи різних фасонів, і постолы, які сміються усіма зморшками, і шапки, як стіжки, і такі вкорочені, що й з вухом не поздоровуються, і рукавиці, і *ногавиці*, і циганські сережки з червоного золота, і персні під золото” [18, с. 50]. – “И кожухи ниже пят, чтоб за собой мели снег, и коротенькие обшитые смухом кожухи для девчат и парубков, и свитки, и кереи, и сапоги разных фасонов, и постолы, что смеются всеми складками, и шапки, как стожки, и такие укороченные, что с ухом не поздороваются, и рукавицы, и *штаны*, и цыганские сережки из червоного золота, и перстни позолочены” [19, с. 36]. “**Ногавиці** – штаны суконные” [15, с. 569].

Еще один вариант – **по принципу функциональной замены словесных единиц**. Этот прием позволяет адаптировать то, что мешает пониманию оригинала, и то, что в адаптированном виде не искажает образную систему [1, с. 137]. Например: “Перед дзеркальцем наділа вона на голову *кибалку*” [10, с. 138]. – “Перед зеркальцем надела она *кокошник* на голову” [13, с. 146]. “**Кокошник** – народный головной убор русских женщин, въ видѣ опала или округлага щита вкругъ головы” [4, с. 135].

При переводе произведений русской литературы на украинский язык также можно найти подобные примеры. Например, из “Записок охотника” И.С.Тургенева: “Я оглянулся и увидел мужика лет пятидесяти, запыленного, в рубашке, в лаптях, с плетеной котомкой и *армяком* за плечами” [22, с. 28] (**Армяк** – “сшитый из армячины крестьянский кафтан, халатомъ, безъ боровъ” [5, с. 23]). – “Я оглянувся й побачив селянина років п’ятидесяти, запорошеного, в сорочці, в личаках, з плетеною торбою і *сіряком* за плечима” [23, с. 26]. (**Сіряк** – “верхняя теплая одежда из толстаго сѣраго сукна” [15, с. 128]).

При переводе безэквивалентной лексики может быть использовано и **калькирование, или буквальный перевод**. Это передача языкового знака ИЯ путем воссоздания морфемного строя или последовательного порядка в словосочетании (например, исподница – спідниця). Благодаря этому методу в переводной текст может быть введен “неологизм” – новообразование переводчика, которое чаще всего сохраняет содержание и колорит БЭЛ.

В некоторых случаях при переводе БЭЛ возможны неточности и даже ошибки, обусловленные не столько незнанием значения того или иного слова, сколько незнанием национальных особенностей. Рассмотрим это на таком конкретном примере: “Кайдашиха наділа тонку сорочку, зав’язалась гарною новою хусткою з торочками до самих плечей і понадівала всі хрести й дукачі, наділа нову *юпку*, нову білу свиту, ще й в жовті чоботи взулась” [10, с. 129]. – “Кайдашиха надела тонкую сорочку, голову покрыла тонким красивым платком с бахромой до самих плеч и нацепила все кресты и дукачи, надела новую *юбку*, новенькую белую свитку и желтые сапожки обула” [13, с. 285]. Лексема “юпка” из исходного текста в тексте переводном “сохранена” как “юбка”. Переводчик не “заподозрил”, что *юпкой* называется верхняя одежда: а) мужская: родъ полукафтаны из домашняго, болѣе тонкаго, сукна, въ талію, со складками и со стоячимъ воротникомъ. Въ Харьковщинѣ юпка изъ болѣе тонкой матеріи, напр. китайки; б) женская: по покрою похожа на корсетку, но длиннѣе и съ рукавами, иногда на ватѣ. Въ Роменскомъ у. женскій нагольный полушубокъ” [15, с. 238].

Юбкой же, как указывает В.И.Даль, называется “часть женской одежды, от пояса и донизу; сшитые полотнища, на паворозе, вздержке вкруг пояса; понява, понёва. Юбки вообще носят под платьем, для тепла или пышности, а в народе, где нет сарафанов, и сверху” [5, с. 241]. В этой же словарной статье В.И.Даль дает также помету “малорос.”, под которой значит “кафтанчикъ съ рукавами и перехватомъ, суконный или нанковый и тяжинувый, более женскій, но есть и муж.” [5, с. 241].

Но, если в Словаре В.И.Даля еще есть такая помета, то современные словари русского языка такого значения данной лексемы уже не дают, и поэтому русский читатель может неправильно понять значение слова. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразнее было бы перевести украинскую лексему “юпка” методом приблизительного перевода, употребив в переводном тексте слово “кафтанчик”.

В поэме “Энеида” И.П.Котляревского также встречаем лексему “юпка”: “В червоній *юпочці* баевій, в запасці гарній фаналевій” [8, с. 9], при переводе которой смысл передается правильно, т.е. как одежда, относящаяся к разряду плечевой: “В фанелевой запаске новой, в *корсетке* байковой лиловой” [9, с. 10], “*Корсетка*, ленточки цветные” [10, с. 11], хотя это не совсем точные переводы: юпка действительно по покрою похожа на корсетку, но она длиннее и с рукавами.

Особого внимания заслуживает перевод ранних повестей Н.В.Гоголя. Они интересны тем, что при переводе с русского языка на украинский лексемы-реалии как бы возвращаются в “родную стихию”. Рассмотрим это на конкретных примерах:

“Неугомонная супруга ... сидела на высоте воза ... в богатой *плахте*, пестревшей, как шахматная доска” [4, с. 23] – “Невгамовна жінка!.. сидить зверху на возі... в дорогій *плахті*, що рябіла, мов шахівниця” [3, с. 12].

“Волосы ее ... падали курчавыми кудрями на шитый золотом *кунтуш*” [4, с. 27] – “Волосся її ... падало дрібними кучерями на шитий золотом *кунтуш*” [3, с. 15].

Аналогично и в случае с известной “красной *свиткой*”: этот вид одежды не был характерен для русского народа и, соответственно, в русском языке такой лексики нет.

Примечательно также, что Н.В.Гоголь дает главному персонажу повести “Сорочинская ярмарка” фамилию Черевик, с целью подчеркнуть его украинское происхождение.

При введении украинских реалий в русский текст Н.В.Гоголь использовал транслитерацию. У него нет описательных, приблизительных конструкций. В данном случае этот тип перевода полностью оправдан, поскольку позволяет максимально воссоздать жизнь украинского народа, ее национальную самобытность. Поэтому можно сказать, что произведения Н.Гоголя, посвященные Украине, в плане перевода не сложны: писатель сам, переводя слова-реалии путем транслитерации, устранил много проблемных мест, связанных с наличием БЭЛ.

Это своеобразный стилистический прием, который использовался и другими писателями, в частности, Т.Г.Шевченко в его русскоязычных произведениях: “Вскоре за ним вышла и жена его Марта... в желтых ютовых сапогах, в *плахте*” [25, с. 123]; “В возу сидели две женщины в белых *свитках*... Рядом с волами шел высокого росту мужчина в черной *кирее*...” [25, с. 215].

Такой метод дает возможность воссоздать национальный колорит в художественном произведении. Однако при этом следует помнить, что иноязычный читатель не всегда может понять, о чем идет речь. В таких случаях лучше прибегать к внетекстовым и внутритекстовым объяснениям, что и делает большинство переводчиков.

В заключение хотелось бы заметить, что перевод безэквивалентной лексики довольно сложен. Очень часто даже переводные словари не могут помочь переводчику, поскольку не фиксируют реалий, вышедших из употребления. Вопрос перевода такой лексики требует от него предельного внимания и знания национально-культурных реалий народов, с языками которых он работает. Чаще всего такие проблемы встречаются при переводе художественных произведений. Многовековое тесное взаимодействие украинского и русского народов “не помешало” каждому из них иметь собственные национальные различия как языковые, так и в области культуры. Это можно проследить, в частности, даже на примере только одной лексико-семантической группы, называемой одеждой, которая довольно часто встречается в произведениях художественной литературы.

Анализ переводов текстов украинской и русской литературы показывает, что наиболее частотным методом является транслитерация или транскрипция. Часто используются также описательный и приблизительный методы, а вот калькирование встречается относительно редко. Это объясняется тем, что безэквивалентная лексика в художественном тексте помогает воссоздать национальный колорит, а задача переводчика – сделать текст перевода таким, чтобы этот колорит не был утрачен.

Литература

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Влахов С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М., 1980. – 342 с.
3. Гоголь М. В. Сорочинський ярмарок / М. В. Гоголь // М. В. Гоголь. Програмні твори / післямова В. Шевчука. – К. : Обереги, 2000. – 351 с.
4. Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. – Харьков : Прапор, 1987. – 343 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль – М., 1955.
6. Комиссаров В. И. Перевод и языковое посредничество / В. И. Комиссаров // Тетради переводчика. – М. : Высшая школа, 1984. – С. 19–22.
7. Котляревський І. П. Енеїда / І. П. Котляревський. – К. : Дніпро, 1985. – 212 с.
8. Котляревський І. П. Энеида : поэма / И. П. Котляревский ; пер. с укр. Д. Андреева. – К. : Дніпро, 1986. – 204 с.
9. Котляревський І. П. Энеида : поэма / И. П. Котляревский ; пер. с укр. И. Бражнина. – М. : Художественная литература, 1953. – 258 с.
10. Нечуй-Левицький І. С. Кайдашева сім'я / І. С. Нечуй-Левицький // Нечуй-Левицький І. С. Зібрання творів : у 10 т. – К., 1965–1968.

- Т. 1 : Наукова думка. – С. 53–189.
11. Нечуй-Левицький І. С. Микола Джеря / І. С. Нечуй-Левицький // І. С. Нечуй-Левицький. Зібрання творів : у 10 т. – К., 1965–1968.
Т. 1. – С. 125–239.
12. Нечуй-Левицький І. С. Микола Джеря / І. С. Нечуй-Левицький // Нечуй-Левицький І. С. Избранные произведения : в 2 т. / пер. с укр. – М., 1988.
Т. 1 : Художественная литература. – 1988. – С. 117–224.
13. Нечуй-Левицький І. С. Семья Кайдаша / І. С. Нечуй-Левицький // Нечуй-Левицький І. С. Избранные произведения : в 2 т. / пер. с укр. – М., 1988.
Т. 1 : Художественная литература. – 1988. – С. 224–361.
14. Реформатский А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Просвещение, 1964. – 178 с.
15. Словарь української мови. Упорядкував з додатком власного матеріалу Б. Грінченко : в 4 т. – К. : НАН України, Ін-т української мови, 1997. – 496 с.
16. Стельмах М. П. Гуси-лебеді летять / М. П. Стельмах // Стельмах М. П. Вибрані твори. – К. : Сакцент плюс, 2005. – С. 47–121.
17. Стельмах М. П. Гуси-лебеди летят / М. П. Стельмах // Гуси-лебеди летят. Щедрий вечер / М. П. Стельмах ; пер. с укр. И. Чеховской. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 32–97.
18. Стельмах М. П. Щедрий вечер / М. П. Стельмах // Стельмах М. П. Вибрані твори. – К. : Сакцент плюс, 2005. – С. 121–214.
19. Стельмах М. П. Щедрий вечер / М. П. Стельмах. Гуси-лебеди летят. Щедрий вечер / пер. с укр. И. Чеховской. – М. : Худож. лит., 1980. – С. 97–187.
20. Степанов Ю. С. Французская стилистика / Ю. С. Степанов. – М. : Высш. школа, 1965. – 254 с.
21. Стернин И. А. Лакуны и концепты / И. А. Стернин, З. Д. Попова, М. А. Стернина // Лакуны в языке и речи : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой ; Благовещенский гос. пед. ун-т. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 72–92.
22. Тургенев И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит. 1984. – 253 с.
23. Тургенев І. С. Записки мисливця / І. С. Тургенев ; пер. з рос. С. Ковганюка. – К. : Дніпро, 1981. – 223 с.
24. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Просвещение, 1973. – 316 с.
25. Шевченко Т. Г. Капитанша / Т. Г. Шевченко // Шевченко Т. Г. Твори : у 5 т. – К. : Наукова думка, 1984–1985.
Т. 2. – С. 175–263.